

UDC 316.32

DOI: 10.30936/2227_7951_2021_13_140_151

Ф. ГУАЛА

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ «ПОНИМАНИЯ ИНСТИТУТОВ»*

Аннотация: Понимание институтов предлагает теоретическую схему, которая способна объединить два доминирующих подхода в научной и философской литературе об институтах. Более того, использование «подхода, основанного на равновесии», помогает решению многих «застарелых» проблем в философии социальных наук. Действия «равновесной» стратегической игры могут быть сформулированы в виде правил, совмещающих в себе «равновесность» и «институциональность». Институциональные правила конструируют своего рода права и обязанности для индивидов и групп, определяя их действия таким образом, что они могут или должны быть выполнены лишь в определенных обстоятельствах. Природа социального института определяется его функцией, а не тем, что люди думают о нем.

Abstract: “*Understanding of Institutions*” offers a theory that is able to unify two dominant approaches in the scientific and philosophical literature on institutions. Moreover, using the ‘rules-in-equilibrium’ theory, it tackles several ancient puzzles in the philosophy of social sciences. The actions of “equilibrium strategic game” can be formulated in kinds of rules, embracing in itself principles of “equilibrium” and “institutionalism”. Institutional rules construct by specific way rights and obligations for individuals and groups, defining actions which they can or must realized in specific circumstances. The nature of social institution is defining with its function but not thoughts of people on this institution.

Ключевые слова: институты, правила, равновесие, Ф. Гуала, философия социальных наук, социальные науки.

Keywords: institutions, rules, equilibria, F. Guala, philosophy of social sciences, social sciences.

Гуала Франческо — доктор философии, профессор кафедры философии Миланского университета (Милан). E-mail: francesco.guala@unimit.it.

* Перевод выполнен со статьи: Guala F. Précis of “*Understanding Institutions*” // *Philosophy of Social Sciences*. 2018. Vol. 48. No. 6. P. 539-549. Публикуется с согласия правообладателя.

В своем подавляющем большинстве социологи согласны с тем, что институты являются важнейшими детерминантами экономического роста и процветания человечества. По общему мнению, институты даже более значимы, чем природные ресурсы: хорошо организованная группа людей может эффективно хозяйствовать, проживая в условиях суровой природы, в то время как плохо организованные сообщества обычно ставят в условия выживания даже самых богатых людей. И все же, несмотря на свою значимость, институты — это несколько *таинственные сущности*. Что такое институт? Если мы не знаем, что такое институты, как мы можем надеяться добиться улучшения институционального устройства общества?

Причем заметим: это и одновременно и *философский*, и *научный* вопрос. Философы, по крайней мере, со времен Сократа, всегда спрашивали: «Что есть каждая вещь в своей сущности?». Пришел черед, и к решению этого вопроса подключилась наука. Если мы хотим знать, что такое материя, душа или жизнь, то теперь мы спрашиваем об этом физиков и биологов, а также и философов. Точно так же вопросы о природе институтов не могут быть удовлетворительно решены вне научного подхода к ним.

Таким образом, важной целью «Понимания институтов» (далее — ПИ) является создание целостной картины современных обществ, объединяющей идеи всех социологов и философов, работающих в аспекте институционального подхода. Другая моя цель состоит в том, чтобы показать, что адекватное понимание природы институтов помогает разрешить давние и застарелые концептуальные и методологические проблемы в философии социальных наук. В то время как некоторые из них со временем просто исчезают, то другие становятся более очевидными, как только они рассматриваются с точки зрения унифицированной теории институтов.

В рамках ПИ я также исследую различные взгляды на институты, критически их анализирую и объясняю, как они соотносятся друг с другом. Я начинаю (глава 1 ПИ) с того, что провожу различие между теми теориями, которые рассматривают институты как правила, и теми, которые рассматривают институты как равновесие в стратегических играх. Затем я утверждаю, что эти два подхода являются взаимодополняющими и что они могут быть объединены в рамках одной концептуальной схемы.

«Подход (к институтам), основанный на равновесии» (см. прим. 1) должен, с моей точки зрения, преодолеть разрыв, существующий между философией и социальной наукой. основополагающая теория здесь была заявлена Д. Льюисом в 1969 г. в его книге о конвенциях, но в последние четыре десятилетия еще несколько других ученых предложили свои «равновесные» концепции социальных институтов (см. прим. 2). Теории в

рамках «институционального подхода, основанного на равновесии» рассматривают институты как поведенческие паттерны, которые имеют тенденцию сохранять сами себя, потому что у индивидов нет стимула отклоняться от этого паттерна в одностороннем порядке (если только все остальные индивиды не делают то же самое).

Однако, несмотря на свои когнитивные удачи и математическую элегантность, «равновесный подход» не получил всеобщего одобрения. Более того, в среде исследователей сформировалось мнение, что институты скорее следует рассматривать как правила или ограничения, которые просто направляют в каком-либо одном направлении действия индивидов, вовлеченных в социальные взаимодействия (см. прим. 3).

Интерпретация институтов как «правил» напоминает наше традиционное, донаучное понимание институтов: интуитивно институты следует понимать как нормы, регулирующие поведение, и которые делают определенные действия уместными или даже обязательными в определенных обстоятельствах. Институт частной собственности, к примеру, регулирует использование ресурсов, указывая на тех, кто имеет к ним доступ. Институт денег регулирует использование бумажных сертификатов в хозяйственных операциях. Институт брака регулирует поведение двух или более индивидов, которые объединяют свои ресурсы самыми разными способами в целях взаимопомощи, воспитания детей и управления своим имуществом.

Но если институты — это правила, то каким образом они влияют на поведение людей? Сформулировать некое правило — еще явно недостаточно для того, чтобы определить, что есть институт. Это объясняется, в частности, тем, что существует множество неэффективных правил: правил, которые официально или формально существуют, но которыми тем не менее большинство людей явно или неявно пренебрегает. «Светофоры в Милане — это *устрашение*, в Риме — *внушение*, а в Неаполе — *украшение*», — так говорят итальянцы. Но поскольку правила формально одинаковы в Милане, Неаполе и Риме, то должно происходить что-то, что заставляет людей вести себя по-разному. Должен быть какой-то особый ингредиент, который принуждает людей следовать правилам в одних обстоятельствах и игнорировать их в других.

«Концепция равновесности» институтов, вероятно, и будет тем особым ингредиентом: *эффективные институты подкрепляются системой стимулов и ожиданий, которые мотивируют людей следовать правилам*. Равновесие в теории игр — это профиль действий или стратегий, — по одному для каждого индивида, участвующего в стратегическом взаимодействии (Глава 2 ПИ). Каждое действие может быть описано простым пред-

ложением вида «делай X» или «делай Y», — определяющим характеристику равновесия, которая отличает его от других профилей, — поскольку каждая стратегия должна быть *наилучшим ответом* на действия других игроков или, другими словами, что ни один игрок не может улучшить свое положение, изменив стратегию в одностороннем порядке. Если другие игроки также выполняют подобную роль в ситуации «равновесия», то и остальные игроки будут лишены всяческого желания отклониться от «равновесной ситуации».

В результате, действия «равновесной» стратегической игры могут быть сформулированы в виде правил, совмещающих в себе «равновесность» и «институциональность». С точки зрения внешнего наблюдателя, институт принимает форму регулятивного правила, которая согласует правила поведения индивидов согласно «принципу равновесия». Но каждая стратегия поддержания равновесия также принимает форму правила, которое диктует всякому игроку, что делать в данных конкретных обстоятельствах. Объединяя «правила» и «равновесие», мы приходим к *унифицированной теории* (unified theory), которую я обозначаю как «подход (к институтам), основанный на равновесии». Здесь также имеются свои представители (см. прим. 4). Заметим, что сами по себе «правила равновесия» не обладают способностью воздействовать на поведение людей, но скомбинированные с правильной системой стимулов и убеждений, они влиятельны и эффективны в этом своем влиянии. В главе 3 ПИ показано, как этот подход может быть применен в парадигмальном аспекте к институту денег.

Институциональные правила иногда просто заявляют, что мы должны «делать X» или «делать Y». Во многих случаях они являются просто *условными утверждениями*, которые предписывают различные действия в зависимости от наступления определенных событий («если X, то сделайте Y»). Например, правила дорожного движения гласят, что вы должны остановиться на перекрестке, если загорелся красный светофор, и после продолжить движение, если вспыхнул зеленый. Точно так же во многих обществах действия индивидов регулируются в соответствии с их статусом, — например, существуют правила вежливости, такие как «джентльмен уступает место леди», а также иерархические правила, такие как «отдавай приказы, если ты муж, и следуй им, если ты жена». Биологические признаки в таких случаях используются в качестве сигналов, облегчающих взаимодействие, — точно также, как светофоры помогают нам правильно двигаться по городу. (Если это утверждение прозвучит *немножко странно*, то позвольте мне пояснить, что эти договоренности не обязательно являются *равновесной ситуацией*: возможно, нам было бы лучше, если бы женщины отдавали приказы, а мужчины подчинялись; точно так

же мы могли бы остановиться на зеленый светофор, и начать движение, если он красный.)

Светофоры и биологические признаки являются своего рода «девайсами» (устройствами), управляющими действиями людей, а сами действия людей, использующих эти сигналы, составляют так называемое «взаимозависимое равновесие» (*correlated equilibria*) (Глава 4) (см. прим. 5). Устройства «взаимозависимого равновесия» умножают число способов, которыми мы можем попытаться координировать свои действия. Предположим, *что вы и я хотим организовать званный обед*. Для упрощения предположим, что у нас нет сильных предпочтений относительно, кто какие действия будет осуществлять в этом случае. Чтобы убедиться, что мы координируем наши действия, я отправляю вам сообщение, в котором говорится: «я делаю покупки, а вы готовите». Основная цель этого сигнала — сконструировать ситуацию «ожидания» того, что я пойду за покупками. Потому что если вы *ожидаете*, что я буду делать покупки в магазинах, и одновременно с тем *предполагаете*, что сами будете готовить, — следовательно, в итоге, вечеринка состоится и пройдет так, как надо. Но, конечно, это лишь один из множества потенциальных сигналов, которые мы могли бы использовать для координации. Например, если бы я сказал вам: «я готовлю, а вы ходите по магазинам», то было бы достигнуто противоположное равновесие. Таким образом, *язык является чрезвычайно универсальным средством для создания институтов*: посылая сигналы, которые люди используют для достижения нового равновесия. Люди являются *особенными, уникальными созданиями* во всем животном царстве в значительной степени потому, что у них есть язык, и потому, что они могут использовать его для создания широкого спектра различных социальных соглашений и договоренностей.

Этот момент, конечно, не остался незамеченным социальными учеными. Наиболее оригинальной и систематической попыткой поставить язык в центр социальной онтологии является *теория конститутивных правил*, предложенная Д. Серлём [30, 31]. Хотя эта теория также является *институциональной теорией*, трактующей институты как некоторые правила, следует отметить, что она пытается интерпретировать их по иным принципам, где институты, *вместо того чтобы просто регулировать поведение людей*, скорее направлены на *преодоление рутины в этом поведении и создание инноваций*. Так называемые «конститутивные правила», согласно Серлю, представляют собой утверждения вида «*X* считается *Y* в *C*», где *Y* обозначает институциональный факт или его свойство, *X* — «до-институциональное состояние», а *C* — совокупность обстоятельств или условий создания института. Например, в случае денег основополагающим пра-

вилом является «векселя (X), выпущенный казначейством, считаются деньгами (Y) в США (C)».

Серль противопоставляет *конститутивные правила* «регулятивным правилам», которые просто обозначаются как «делай X » или «если X , то делай Y ». Действия или стратегии, которые появляются в теоретико-игровых концепциях институтов, имеют именно такую (регулятивную) форму, поэтому, как мы полагаем, различие, которое проводит Серль, исходит из принципа, что *его собственный подход* и другие институциональные концепции в социальных науках сильно отличаются друг от друга. Но если бы дело обстояло именно так, то попытка *унифицировать, соединить в единое целое* различные подходы в социальной онтологии потерпела бы неудачу: ведь многие институты нельзя бы было в таком случае интерпретировать как «равновесные состояния»!

Есть веские основания полагать, что проводимое Серлем различие между «регулятивными» и «конститутивными» нормами *вообще никак* не соответствует действительности (Глава 5 ПИ). Используя аргумент, первоначально разработанный Ф. Хиндриксом [18, 19], я показываю, что функции «конститутивных правил» в обществе *гораздо менее значительны* в своем масштабе, — в противоположность тому, что утверждал Серль: эти правила представляют собой принципы, определяющие конструирование концептов, — принципы, которые демонстрируют нам условия последующего использования данных концептов как «маркеров» или «ярлыков» институтов (they are term-introducing principles that state the conditions of applications of the theoretical terms that we use to label institutions). То есть, иначе говоря, они являются своего рода «девайсами», «концептуальными аппаратами» для обозначения «регулятивных правил».

«Конститутивное правило» в отношении денег, например, определяет условия, которые должны быть выполнены для того, чтобы что-то было деньгами (например, это должен быть вексель или банкнота, выпущенные федеральным казначейством), и неявно указывает на то, что делать с бумажными сертификатами такого рода (использовать их для торговли другими товарами, сохранять их для будущих покупок и т.д.). Позиция Хиндрикса заключается в том, что *регулятивные правила могут быть преобразованы в конститутивные правила посредством введения теоретических терминов*: она также подчеркивает тот факт, что *конститутивные правила не добавляют ничего такого, что не может быть выражено с помощью простых регулятивных правил*. В принципе, их можно было бы даже исключить из нашего терминологического словаря, не имея при этом существенных онтологических потерь. *Конститутивное правило денег, например, можно перевести в регулирующее правило*, например: «если вексель или

банкнота были выпущены федеральным казначейством, то используйте его для покупки товаров или сохраните его на будущее» и т.п.

Таким образом, *унифицированная теория*, изложенная в ПИ, помогает прийти к так называемой «онтологической экономии на терминах» и в то же время дает объяснение *прагматической функции* институциональных терминов (почему они полезны и как они помогают нам в институциональном анализе). Глава 6 ПИ иллюстрирует взаимосвязь между равновесием и функциями и также объясняет, как нормативная (или «деонтическая») власть институтов может быть объяснена в рамках «равновесного подхода». Основная идея здесь заключается в том, что институциональные правила *конструируют своего рода права и обязанности для индивидов и групп*, определяя их действия таким образом, что *они могут или должны быть выполнены лишь в определенных обстоятельствах*. Эти деонтические силы могут быть представлены как «издержки», которые особым способом трансформируют, преобразовывают стимулы участников стратегических игр. Эта стратегия моделирования позволяет распространить нашу *унифицированную теорию* на более широкий класс игр, включая, к примеру, так называемые «дилеммы сотрудничества» (см. прим. 6).

Главы 7 и 8 ПИ («Интерлюдия») предлагают осуществить *теоретический экскурс* в когнитивный базис институтов. Ключевая задача, которую в этом случае ставит перед собой наш «равновесный подход», состоит в том, чтобы объяснить, как люди достигают взаимопонимания в играх с *несколькими точками равновесия* (или *несколькими потенциальными правилами* равновесной стратегии). Чтобы достичь такого взаимопонимания, участники взаимодействия должны выстроить ситуацию «согласованного ожидания» относительно друг друга. Этот процесс не может быть удовлетворительно объяснен с позитивной точки зрения, — разве не брать случай *экспериментально доказанного* «чтения мыслей». Поэтому, следуя за Мортеном [28], я предлагаю, чтобы «координацию действий участников» мы объясняли здесь посредством *моделирования психического процессов других людей*, с которыми мы взаимодействуем.

В главе 8 мы делаем ссылку на то, что конкретный процесс моделирования, описанный Мортеном, содержит в себе некий общий шаблон для понимания других форм координации. Для конструирования новых институтов у индивидов должны быть некие возможности для принятия решений, а затем уже потенциал для реальных действий. Такого рода «мышление для решений» может осуществляться как в индивидуалистическом, так и в коллективистском режимах (например, когда индивиды рассуждают и действуют как члены команды) (см. прим. 7). Однако, вопреки утверждениям некоторых философов, многие институты не требу-

ют коллективных намерений или обязательств следовать каким-либо правилам.

Вторая часть моего ПИ посвящена более детальному изложению единой теории институтов и исследованию ее философских последствий. В частности, я сосредоточился там на значении моей *унифицированной теории* для объяснительных и прогностических амбиций, что изначально и всегда присутствуют в социальных науках.

Уже более ста лет социологи обсуждают методологические основы своей дисциплины. С одной стороны, «методологические монисты» утверждают, что общественные науки должны следовать тому же подходу, что и естественные науки. С другой стороны, существуют и «методологические плюралисты»: они говорят, что сама природа социальной реальности делает невозможным для социологов достижение такого же высокого качества объяснений и предсказаний, что существуют в естественных науках. Следовательно, социальные ученые придерживаются различных подходов и в целом имеют право отказаться от традиционных целей *натуралистического* (т.е. основанного на методологии естественных наук) научного исследования.

Какие онтологические различия могут дать повод для такого рода скептицизма? Классической причиной здесь была зависимость субъекта от социальной реальности, в которой он существует. Скептицизм заключается в том, что социальные объекты существенно отличаются от природных тем, что они зависят от представлений и ценностей субъекта. Если взять в руки долларовую купюру, и попытаться объяснить, что это такое, тогда мы вынуждены будем признать факт, что *признания чего-либо деньгами зависит* от коллективного убеждения людей или признания того, что это деньги — это товар, который может быть использован для покупки других товаров и услуг. (В противном случае это был бы просто кусочек пергамента с напечатанной на нем фотографией Джорджа Вашингтона.) Напротив, молекула воды — это вода, независимо от того, что о ней думают другие. *Она не должна быть представлена как вода, поскольку она и есть вода.*

Тезис о зависимости социальной реальности от наших ценностей и представлений использовался многими теоретиками для того, чтобы бросить вызов научным амбициям социальных наук. Однако этот вызов может принимать различные формы в зависимости от того, как *трактуются понятие зависимости*. Поэтому часть моего ПИ посвящена разбору различных вариантов этого «тезиса о зависимости». В частности, полезно будет научиться различать *каузальную и некаузальную зависимость от представлений и ценностей*. Отношение данной зависимости является *каузальным*, когда данное представление или репрезентация (например, научная

теория) влияет на поведение индивидов или их коллективные представления, изменяя мотивы людей, их убеждения или желания. Зависимость, напротив, *некаузальна*, когда представление, ценность, репрезентация *онтологически конституирует социальную реальность*, не оказывая *прямого каузального влияния* на поведение людей.

Я также утверждаю, что тезис о каузальной зависимости правилен, но в целом, его философские следствия были сильно преувеличены (главы 9 и 10 ПИ). Многие социальные объекты вовлечены в так называемые «рефлексивные петли» (*reflexive loops*) с помощью категорий, которые мы используем для их классификации. Этот специфический феномен может быть также объяснен теоретико-игровыми моделями, где действия и убеждения как бы «поддерживают» друг друга в равновесии. Такие модели способны объяснить, как какая-либо категория, описывающая «закон или правило поведения», может *каузально* способствовать стабилизации этого поведения.

Известная версия тезиса о каузальной зависимости была предложена Я. Хакингом [16], который утверждал, что социальные объекты отличаются от естественных объектов тем, что они «интерактивны». Однако вопреки тому, что он утверждал, такая *интерактивность*, с моей точки зрения, не дает возможности провести точно определенную границу между природными и социальными объектами и никак не оспаривает методологии реализма в отношении институтов. «Интерактивные» социальные объекты так же *реальны*, как и объекты естественные, они в большинстве случаев могут быть определены теоретически и могут быть исследованы инструментами науки (см. прим. 8).

Таким образом, зависимость от сознания субъекта, когда она интерпретируется каузально, не представляет проблемы для научных амбиций социальных наук. Тезис о *некаузальной* или, скажем так, «онтологической» зависимости, напротив, представляет собой реальную угрозу методологии социального реализма (Глава 11 ПИ). Такой тезис, если он принят, будет жестко разграничивать между собой социальные и естественные науки. При определенном прочтении это позволило бы нам ввести концепт «*анти-антиреализм*» (*anti-antirealism*) и утверждать *антифаллибизм* в отношении социальных объектов: свойства этих объектов не позволяли бы нам объяснить их теоретически, но они могли бы быть постигнуты интуитивно членами соответствующего сообщества [29].

Однако тезис об онтологической зависимости, с нашей точки зрения, в целом ошибочен (Глава 12 ПИ): любой социальный объект существует независимо от того, сформулированы ли в отношении него правильные теории или не сформулированы. Например, не существует ни-

какой гарантии, что люди *правильно понимают*, что такое деньги, или то, что объекты, которые люди *интерпретируют как деньги, на самом деле являются деньгами*. Природа социального института определяется его функцией, а не тем, что люди думают о нем. Как следствие, мы должны быть реалистами и фаллибилистами (fallibilists) в отношении социального мира.

Последние две главы ПИ были посвящены вопросу, который в настоящее время горячо обсуждается и который касается структуры и идентичности одного из наших самых важных институтов- института брака. Вопрос заключается в том, следует ли реформировать этот институт таким образом, чтобы дать возможность лицам одного пола вступать в брачные отношения. Как мы увидим, традиционалисты утверждали, что институт брака во всех случаях должен быть ограничен гетеросексуальными парами и что включение однополых пар трансформирует его так, что превратит в принципиально *иной институт*. Это утверждение часто подкреплялось изощренными лексико-семантическими аргументами (что такое «брак» и «семья» с точки зрения нашего языка?), и философы смело вступали в битву по обе стороны этого поля боя (глава 13 ПИ).

Мое собственное убеждение заключается в том, что совершенно законно использовать термин «брак» для обозначения *договоров, регулирующих отношения между лицами одного пола*. Однако дискуссия о браке высвечивает интересную проблему: она предполагает, что трудно быть одновременно *и реалистом, и реформистом* в отношении подобного рода институтов. Некоторые философы утверждают, что идентичность институтов зависит не от правил, которым люди действительно *следуют*, а от тех, которым они *должны следовать* в принципе, - то есть от нормативных целей, которые мы ставим перед собой как сообщество. Однако этот «улучшенный» (ameliorative) подход несовместим с принципами социального реализма. Поэтому я предлагаю в ПИ другое решение, основанное на *унифицированной теории институтов*, — с тем, чтобы сохранить как *реалистический принцип*, согласно которому институты зависят от наших намерений *каузально*, так и реформистский подход, согласно которому *правила игры могут быть пересмотрены без изменения идентичности института* (Глава 14 ПИ). Я также утверждаю, что мы можем спасти и реализм и реформизм одновременно, проводя различие между *институциональными типами и маркерами*. В то время как институциональные маркеры (tokens) являются конкретными решениями проблем социального взаимодействия, *институты как постоянно и стабильно воспроизводящиеся типы этих взаимодействий* определяются их функцией или тем видом проблем, которые они решают. Изменяя маркеры, мы не обязательно изменяем природу самого института, поскольку новые правила выполняют *ту же са-*

мую функцию. Например, в этом случае *однополюые брачные союзы – это браки, потому что они выполняют некоторые классические функции брака.*

Примечание автора

Статьи, составляющие этот обзорный симпозиум, первоначально были представлены на двух конференциях, которые состоялись в сентябре 2017 года – Европейской сети социальной онтологии (European Network of Social Ontology) в Лунде (Швеция) и Европейской ассоциации философии науки (European Association of Philosophy of Science) в Эксетере (Великобритания). Комментарии были представлены совместно с журналом *Philosophy of Social Sciences* С. Амадае (S. Amadae), который был редактором данного симпозиума.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Amadae S.* Normativity and Instrumentalism in David Lewis' Convention // History of European Ideas. – 2011. vol.37. – P. 325-335.
2. *Aoki M.* Endogenizing Institutions and Institutional Change // Journal of Institutional Economics. – 2007. vol.3. – P. 1-31.
3. *Aoki M.* Institutions as Cognitive Media between Strategic Interactions and Individual Beliefs // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2011. Vol.79 – P. 20-34.
4. *Aumann R.* Subjectivity and Correlation in Randomized Strategies // Journal of Mathematical Economics. -1974. vol.1. – P. 67-96.
5. *Aumann R.* Correlated Equilibrium as an Expression of Bayesian Rationality // Econometrica.1987.- vol.55. – P.1-18.
6. *Bacharach M.* Beyond Individual Choice.- Princeton: Princeton University Press. 2006.
7. *Bicchieri C.* The Grammar of Society.- Cambridge: Cambridge University Press. 2006.
8. *Binmore K.* Game Theory and Institutions // Journal of Comparative Economics.- 2010. vol.38. – P. 245-252.
9. *Calvert R.* Rational Actors, Equilibrium, and Social Institutions In: Explaining Social Institutions (edited by J. Knight and I. Sened). Ann Arbor: University of Michigan Press. 1998. – P. 57-94.
10. *Crawford S., Ostrom E.* A Grammar of Institutions // American Political Science Review. – 1995. vol.89. – P. 582-600.
11. *Gintis H.* The Bounds of Reason.-Princeton: Princeton University Press. 2009.
12. Gold N., Sugden R. Collective Intentions and Team Agency // Journal of Philosophy. – 2007. vol.104. P. 109-137.
13. *Greif A., Kingston S.* Institutions: Rules or Equilibria? In: Political Economy of Institutions, Democracy and Voting (edited by N. Schofield and G. Caballero) – Berlin: Springer. 2011. P. 13-43.
14. *Guala F., Hindriks F.* A Unified Social Ontology // Philosophical Quarterly. – 2015. vol. 65. – P. 177-201.
15. *Hacking I.* The Looping Effect of Human Kinds. In Causal Cognition: A Multidisciplinary Debate (edited by A. Premack,). – Oxford: Clarendon Press. 1995.- P. 351-383.
16. *Hacking I.* The Social Construction of What? – Cambridge: Harvard University Press. 1999.
17. *Haslanger S.* Resisting Reality: Social Construction and Social Critique. – Oxford: Oxford University Press. 2012.
18. *Hindriks F.* Rules and Institutions: Essays on Meaning, Speech Acts and Social Ontology. PhD diss. – Erasmus University Rotterdam, Rotterdam. 2005.
19. *Hindriks F.* Constitutive Rules, Language, and Ontology // Erkenntnis. -2009. vol.71. – P. 253-275.

20. *Hindriks F., Guala F.* Institutions, Rules, and Equilibria: A Unified Theory // Journal of Institutional Economics. -2015. vol.11. – P. 459-480.
21. *Hodgson, G. M.* What Are Institutions? // Journal of Economic Issues. -2006. vol.15. – P.1-23.
22. *Khalidi M.* Natural Categories and Human Kinds. – Cambridge: Cambridge University Press. 2013.
23. *Knight J.* Institutions and Social Conflict. – Cambridge: Cambridge University Press. 1992.
24. *Lewis D.* Convention: A Philosophical Study. Cambridge. – Harvard University Press. 1969.
25. *Mallon R.* Social Construction, Social Roles, and Stability. In: Socializing Metaphysics (edited by F. F. Schmidt) – Lanham, Md.: Rowman & Littlefield. 2003. – P. 327-354.
26. *Mantzavinos C.* Individuals, Institutions, and Markets. – Cambridge: Cambridge University Press. 2001.
27. *Miller S.* The Moral Foundations of Social Institutions. – Cambridge: Cambridge University Press. 2010.
28. *Morton A.* The Importance of Being Understood.- London: Routledge. 2003.
29. *Ruben D.* Realism in the Social Sciences. In: Dismantling Truth (edited by H. Lawson and L. Appignanesi). – London: Weidenfeld& Nicolson. 1989. – P. 58-75.
30. *Searle J.* The Construction of Social Reality. – London: Penguin. 1995.
31. *Searle J.* Making the Social World. – Oxford: Oxford University Press. 2010.
32. *Skyrms B.* The Stag Hunt and the Evolution of Social Structure. – Cambridge: Cambridge University Press. 2004.
33. *Sugden R.* The Economics of Rights, Co-Operation and Welfare. 2nd ed. -Oxford: Blackwell. 2004.
34. *Sugden R.* Team Preferences // Economics & Philosophy.- 2000.vol. 16. – P.174-204.
35. *Ullmann-Margalit E.* The Emergence of Norms. – Oxford: Clarendon Press. 1977.
36. *Vanderschraaf P.* Convention as Correlated Equilibrium // Erkenntnis. -1995. vol. 42. – P. 65-87.
37. *Vanderschraaf P.* Learning and Coordination. – London: Routledge. 2001.
38. *Young P.* Individual Strategy and Social Structure: An Evolutionary Theory of Institutions. – Princeton: Princeton University Press. 1998.

Примечания

1. Английское выражение «rules-in-equilibrium» на русский язык можно переводить по-разному: «правила, основанные на равновесии», «равновесный подход» и т.п. Мы используем более широкий вариант: «подход (к институтам), основанный на равновесии» – *Прим. переводчиков.*
2. Напр.: [7, 8, 9, 24, 32, 33, 35, 37, 38].
3. Напр.: [21, 23, 26, 27]
4. Предпосылки этого «гибридного» подхода можно найти в работах: [2,3, 13,20]
5. Концепция «взаимозависимого равновесия» принадлежит Р. Ауману [4,5]. О его значении для понимания конвенций и институтов: [11,36].
6. Сравните, напр.: [7,10]. Скептическую точку зрения можно найти в работе: [1].
7. О так называемых «командных рассуждениях»: напр.: [6,12].
8. Напр.: [15,16, 22,25].

Перевод с англ. А.М. Орехова, А.О. Ефименкова

Поступила в редакцию 13.05.2021 г.

Орехов Андрей Михайлович - доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии РУДН, ученый секретарь Междисциплинарного общества социальной теории (МОСТ). (Москва). E-mail: orekhovandrey@yandex.ru.

Ефименков Александр Олегович – аспирант кафедры социальной философии РУДН (Москва). E-mail: efimenkov.1995@mail.ru.
